

The top half of the image features a blurred, high-contrast photograph. It shows the dark silhouettes of several people standing behind vertical metal bars. The background is a bright, warm orange-red glow, suggesting light coming from behind the bars. The overall mood is somber and evocative.

Зоя Светова

**признать
НЕВИНОВНОГО
ВИНОВНЫМ**

Зоя Феликсовна Светова

Признать невиновного виновным. Записки идеалистки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2860115

Признать невиновного виновным. Записки идеалистки: Время; М.; 2011

ISBN 978-5-9691-0619-2

Аннотация

Что может быть хуже, чем явная несправедливость? Имитация, симуляция справедливости – считает корреспондент журнала «The New Times» Зоя Светова. Герои ее «документального романа», московский ученый и чеченская девушка (у них есть вполне узнаваемые прототипы в реальной жизни), стали жертвами неправого суда. Как, почему и в чьих корыстных интересах судейскими мантиями прикрывается явная несправедливость – в этом и пытается разобраться автор. «Книга Зои Световой никак не „закрывает тему“. Она высвечивает проблему, выхватывает ее из темноты» (Николай Сванидзе).

Содержание

Людмила Улицкая	4
Николай Сванидзе	9
Часть первая	15
Глава первая. Ночной звонок	15
Глава вторая. Обыск	21
Глава третья. Разговор в курительной	25
Глава четвертая. Империя судьи Филипповой	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Зоя Феликсовна Светова

Признать невинного виновным. Записки идеалистки

ПОСВЯЩАЕТСЯ АННЕ ПОЛИТКОВСКОЙ

Людмила Улицкая

Чувство справедливости

По праву двадцатилетней дружбы хотелось бы представить вам не книгу – она уже у вас в руках и говорит сама за себя, – а ее автора Зою Светову.

Есть люди с острым ощущением несправедливости, и именно из этих, особо чувствительных людей, с повышенным нравственным чутьем, и образуется небольшой отряд борцов за справедливость. Хотела сказать «армия», но это было бы большим преувеличением.

Я не поклонник идеи справедливости. Мне давно уже представляется, что справедливости в некотором общем и абсолютном виде в мире нет, и искать справедливости – занятие, обреченное на неудачу. Однако людей, которые ки-

даются защищать то, что они считают справедливым, я уважаю, ими восхищаюсь, некоторых из них очень люблю. Хотя идея справедливости в ее общем виде представляется мне утопической, но всякий частный случай, в котором удастся достичь справедливости, меня очень радует.

Зоя Светова – человек, который не может пройти мимо происходящего безобразия, беззаветный борец из прекрасной породы людей, которые в детстве вступаются за слабого, в юности добровольцами отправляются в самые опасные места, в зрелые годы совершенно осознанно оказываются в самых опасных участках социальной жизни. Такими были погибшие Анна Политковская и Наталья Эстемирова.

Мне приходилось говорить Зое: поаккуратнее, то, что ты делаешь, очень опасно. И всякий раз она умеет так ответить, что мне становится стыдно.

Это бесстрашие у нее в крови, наследственное качество.

С начала семидесятых годов я знала ее родителей – Феликса Светова, писателя и диссидента, и Зою Крахмальникову, публициста и издательницу религиозного журнала «Надежда». Молодость Зои Световой прошла в те годы, когда ее родители сидели в тюрьме и в ссылке на Алтае.

Годы гонений для Зоиных родителей были ожидаемым ответом государства, политика которого представлялась им несправедливой, о чем они всей своей деятельностью и свидетельствовали.

Мне неизвестно, был ли дедушка Зои, Григорий Фрид-

лянд, декан истфака МГУ, борцом за справедливость, но он был арестован по делу о троцкистско-зиновьевском блоке и расстрелян в 1937 году. Два года спустя арестовали и Зоину бабушку, жену Фридлянда, а заодно и его сестру. В этой семье тема справедливости возникла по меньшей мере два поколения тому назад. Так же, как и тема закона.

Законы, надо им отдать должное, тоже не всегда стоят на страже справедливости. Бывают законы, которые воспринимаются непомраченным рассудком как весьма несправедливые. Но законы все граждане без исключения обязаны выполнять. Однако в нашей стране сложилась такая практика, что один и тот же закон для одних нарушителей оказывается строг и суров, а для других он как бы и вовсе не работает. Одному можно воровать, а другому нельзя. Одному можно врать, а другому нельзя. И даже – что совсем уж ни в какие ворота не лезет – один может сбить человека насмерть и уехать дальше по своим делам – другой будет сидеть «по полной железке».

Вот тут и появляется Зоя Светова со своим неистребимым стремлением к справедливости. Она занимается журналистской деятельностью больше пятнадцати лет, и узкая сфера ее работы: суд. Место, где с благословения государства процветает коррупция и обман. Это опасная работа. Я свидетель того, что Зоя ее не искала. Мать четырех детей могла бы найти себе занятие попроще и поденежней, чем беготня по судам, разговоры с чиновниками разных уровней, езду по тюрьмам

и следственным изоляторам. Но эта работа сама нашла ее.

Я свидетель того, как близко к сердцу принимает Зоя судьбы людей, по отношению к которым совершается несправедливость. Ее статьи в газетах всегда информативны, точны, изобличают подлость и трусость тех, кто по роду деятельности должен быть объективен и честен. Как правило, это люди, облеченные большой властью и не отягощенные совестью.

Классическая русская литература – от Салтыкова-Щедрина и Достоевского до Короленко и Успенского – полна этими сюжетами. «Не могу молчать!» – девиз порядочного человека, обладающего еще и мужеством, дерзостью обличительного высказывания.

Кроме природной тяги к справедливости, в Зое живет непосредственное сострадание. На вопль «Помогите!» она отзывается тем, что покупает билет в Архангельск, Мценск, Потьму, Грозный... – куда зовет ее совесть.

И еще – верность. Чудесное, драгоценное свойство. Услышала, сделала, и не бросила пострадавшего: держит руку на пульсе, заботится, хлопочет, помнит о семьях пострадавших. Такими были и ее умершие родители.

Зоя Светова – исключительно прямой человек, без тени лукавства, даже, может быть, несколько прямолинейна. Вот уж у кого «да» означает «да», и «нет» – «нет».

В дружбе иногда это неудобно. Никогда не промолчит, немедленно выложит свое мнение, никогда не покривит ду-

шой.

Таких людей в нашей стране очень мало. Если бы было больше, то мы бы жили в другой стране. Боюсь, что таких людей делается все меньше. Потому так нужна Зоя Светова, ее работа и эта книга, которую вы держите в руках.

Николай Сванидзе

Цель – сказать правду

Нетолстая книжка, которую вы сейчас держите в руках, написана не профессиональным литератором. И ее трудно отнести к какому-то определенному литературному жанру. Не роман, не повесть, не рассказ. При очень большом желании отыскать если не аналоги, то что-то на них похожее, можно вспомнить, с одной стороны, как это ни покажется странным, производственные романы Артура Хейли, с другой – русскую публицистическую художественную прозу и непосредственно ее флагман – роман «Что делать?». Но в данном случае мы имеем дело не с художественной прозой. И не с политической публицистикой. И не с описанием производственного процесса, хотя механизм специфического современного российского судопроизводства автору хорошо знаком и в тексте обозначен.

Вы не найдете здесь ни изящного росчерка пера, ни элегантно выписанной фразы, ни точной, остроумной бытовой или психологической зарисовки. Всего этого никто не отменял, но автору, похоже, это не нужно. Стилистические упражнения просто не входят в круг авторских претензий. Не пахнет и объективностью. Но в данном случае это не отсутствие объективности, а подчеркнутая субъективность.

Что уже не может рассматриваться как недостаток, а исключительно как особенность.

Нет и жанровой логики. Книга написана от первого лица, от лица журналистки, специализирующейся на правозащитной тематике, но в ней присутствуют – и занимают важное место – эпизоды, в которых журналистка участия не принимает и знать о которых не может. И это автора также несколько не занимает.

У автора просто другая цель – сказать правду. Или то, что автор считает правдой. И в отстаивании этой правды демонстрирует и искренность, и настойчивость, и энергетичность. Речь идет о жанре, который может быть определен как правозащитная литература.

В основу повествования положены два известных процесса, о чем автор прямо говорит в конце, хотя это и без того очевидно. Но суть не в том. Суть в авторской позиции Зои Световой, и именно эта позиция представляет наибольший и несомненный интерес.

Два главных отрицательных персонажа – женщины. Обе – судьи: одна ведет заказные процессы, другая – ее начальница, председатель суда, которая ей эти процессы поручает. У младшей муж отставной полковник ФСБ, у старшей – отставной генерал ФСБ. Они неотличимы. Они по сути матрешки: та, что поменьше, как бы целиком помещается в той, что поглавнее. И по идее эту конструкцию можно было бы заострить, довести до абсурда. Но тогда это был бы памфлет.

И автор соблазну не поддается. И не потому, видимо, что это выбивалось бы по стилю, а потому, что это была бы карикатура и, следовательно, неправда. Сон общественного разума рождает чудовищ, но они выглядят как обычные люди, не имеют звериных ликом и не похожи на демонов Босха. Зоя Светова не играет с читателем, не пугает его и не смешит. Она пишет то, что видит. И так, как она видит.

Ее наблюдения, мягко говоря, спорны, как и ее оценки. Информационные войны, развязанные олигархическими медиа-империями в середине 90-х, приводятся в качестве эталонного примера свободы прессы. А шахидок-самоубийц готовят непосредственно в ФСБ.

Ее комментарии наивны. «Ее (Анны Политковской – *Н.С.*) последние обличительные статьи о Кадырове могли помешать его назначению в президенты республики».

Ее пассажи прямолинейны. Чтобы, по-видимому, ни у кого не оставалось никаких сомнений в сути происходящего, словами проговаривается то, что и так с очевидностью следует из поступков: судья «в очередной раз показала, что судит не по совести...».

Зоя Светова исходит из презумпции виновности власти. В ситуации, когда подавляющая часть элиты, в том числе пишущей и говорящей, исходит, во всяком случае публично, из презумпции безошибочности власти, когда сама власть свято убеждена в том же, подобная авторская позиция представляется оправданной.

В эпилоге Зоя Светова задается классическим вопросом «Что делать?».

У Чернышевского это был не вопрос, а утверждение. Он написал учебник. Делать надо то-то и то-то. Он задавал цель и авторитетно рекомендовал конкретные пути ее достижения.

Здесь всего этого нет, что свидетельствует о честности автора. Мы не видим чудесных снов Зои Феликсовны. Нам не предлагаются в качестве рецептов спасения ни свободная любовь (каковая нетленная тема весьма интриговала Николая Гавриловича, да и все русское освободительное движение на разных его этапах), ни очистительная аскеза, ни революция с последующей перспективой обязательного всеобщего счастья. Сам вопрос «Что делать?» для Зои Световой носит не системно-политический, а предметный характер. Она не сражается со вселенским злом, с силами реакции, с кровавым режимом. Она не пасет народы, не изображает «Свободу на баррикадах». Она защищает невиновных. Но как их защитить, когда нет ресурса защиты? «Что делать?» с судом, который судит не по закону и не по справедливости, а по властному произволу? С судом, который и не суд вовсе, а карательный инструмент?

«Делать что должно, и будь что будет», – не мудрствуя, говорит Зоя Светова. И она права. Но это – не ответ на поставленный вопрос, а стоическое жизненное кредо, не имеющее временных и пространственных ограничений. Эту мантру

порядочный и мужественный человек повторяет себе всякий раз, когда у него нет вариантов, когда перед ним стена.

Очень может быть, что иного ответа просто нет, и искать его столь же продуктивно, как трудиться над изобретением вечного двигателя. А может быть, он существует. В любом случае, книга Зои Световой никак не «закрывает тему». Она высвечивает проблему, выхватывает ее из темноты. Посредством тех средств, выбор которых есть неотъемлемое право автора.

Написанное в этой книге стоит рассматривать как плод фантазии автора, который позволил себе использовать факты и события, произошедшие в действительности.

Действующие лица

Галина Викентьевна Мухина, судья

Елена Алексеевна Филиппова, председатель горсуда

Федор Брандер, судья

Алексей Летучий, ученый. Подсудимый. Обвиняется в государственной измене в форме шпионажа

Виктор Викторович, сотрудник администрации президента России

Николай Ведраику, социальный психолог ФСБ

Анна Сваровская, адвокат, защитник Алексея Летучего

Борис Емельянов, адвокат, защитник Алексея Летучего

Валерий Иосифович Механик, присяжный

Роман Брюн, присяжный

Александр Дружинин, присяжный

Елена Рогачева, присяжная

Лиза Паншева, журналистка

Фатима Мухадиева, осужденная. Приговор – девять лет лишения свободы за приготовление к совершению террористического акта и за «подготовку шахидок»

Виктор Поповский, адвокат, защитник Фатимы Мухадиевой

Жерар Лемурье, шеф бюро корпункта французского телевидения в Москве

Рамзан Кадыров, президент Чеченской Республики

Казбек Михайлович, и. о. начальника колонии строгого режима

Часть первая

ДЕЛО ДЛЯ СУДЬИ МУХИНОЙ

Глава первая. Ночной звонок

Больше всего на свете я не люблю ночные телефонные звонки. Наверное, этот страх я унаследовала от мамы: она боялась, что среди ночи ее разбудит мой брат пьяница. В последние шесть лет, когда мама слегла и стала совершенно беспомощной, за ней по очереди ухаживали две сиделки. Я боялась, что среди ночи позвонит кто-то из них. Это могло означать только одно: маме стало хуже. А с некоторых пор у меня появились такие «клиенты», которые звонили в любое время, не очень-то церемонясь: день, ночь. Они звонили тогда, когда им это было удобно. Это осужденные или подследственные. И звонили они из СИЗО или из колоний. Передавая друг другу мой номер телефона, они звонили мне в надежде, что я напечатаю в газете их историю. А это всегда были истории о беспределе милиционеров, следователей, судей. Этим бедолагам казалось, что статья в газете способна изменить их судьбу. Они, конечно, глубоко заблуждались, но с популярностью моего телефонного номера я сделать ничего не могла. А выключать телефон на ночь все-таки не реша-

лась: а вдруг я кому-то понадоблюсь?

Телефон надрывался уже несколько минут, а я все никак не могла проснуться. С годами не так часто удается видеть сны, которые тебя не отпускают. На этот раз мне снился мужчина, очень похожий на одного из тех, в кого я безответно была влюблена в юности. Он что-то страстно шептал мне на ухо, и поэтому мне так не хотелось просыпаться и возвращаться к домашним хлопотам, вспоминать о неоплаченных телефонных и квартирных счетах. О проблемах с армейским призывом у среднего сына, о том, что старший сын наверняка попросит посидеть с внучкой, а дочка-школьница будет клянчить, чтобы я взяла ей репетитора по английскому, потому что она не может запомнить спряжение глаголов. Не хотелось думать о том, как в очередной раз уговорить главного редактора опубликовать статью – о деле никому не известного студента, которому подбросили наркотики, и даже известному адвокату не удастся добиться для него оправдательного приговора. В редакции уже косо смотрели на меня: я в третий раз предлагала опубликовать заметку о деле этого парня. «Неужели больше не о чем писать?» – удивлялся редактор отдела общества.

Звонок вернул меня к реальности.

– Они распускают присяжных. И меняют судью. Случилось самое страшное. То, чего мы боялись, – взволнованно сообщила Аня на другом конце провода.

Я с трудом узнавала подругу: куда девались ее привыч-

ная неторопливость и рассудительность? Мне послышалось в ее голосе что-то пронзительное. Я поняла, что обязательно нужно проснуться.

– Ты должна нам помочь. В 12 часов жду тебя на нашем обычном месте, – прокричала Аня, и связь прервалась.

Наверняка, случилось нечто из ряда вон выходящее, если Аня решилась позвонить мне в такой поздний час. Она хорошо знала о моей идиосинкразии к ночным звонкам.

«И все-таки странно, – подумала я. – Зачем будить меня среди ночи, чтобы назначить встречу на 12 часов дня?»

Вылезая из постели и стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящих детей и мужа, я попыталась понять, чем вызвано столь необычное для Ани поведение. За те полгода, что мы по-настоящему сдружились, я, кажется, уже научилась различать, когда знаменитая московская адвокатесса вдруг теряла самообладание и поддавалась панике. Это случалось, когда она сталкивалась с непреодолимыми обстоятельствами.

Трудно сказать, что сблизило нас. Ведь даже внешне мы совершенно не похожи. Аня – небольшого роста яркая брюнетка с манерами аристократки, и я – крупная высокая блондинка, вечно восторженная и улыбающаяся по поводу и без. Думаю, в паре мы производим странное впечатление. Впрочем, уже через две-три недели нашего знакомства выяснилось, что мы одинаково реагируем на происходящие события, любим одни и те же книги и даже предпочитаем мужчин

одного типа.

Я сразу поняла, что Аня говорила о роспуске присяжных по делу ученого Алексея Летучего. Я уже немного писала об этом деле и собиралась отслеживать судебный процесс. Летучего Анна Сваровская защищала последние три года. Следствие вела ФСБ. Силы были неравны, но тем не менее за эти годы адвокату Сваровской удалось склонить на сторону своего подзащитного российское и западное общественное мнение. Этого было явно недостаточно, чтобы выиграть столь безнадежное дело. Летучий обвинялся в государственной измене в форме шпионажа в пользу то ли английской, то ли американской разведки. Принадлежность заморских разведчиков к конкретной западной спецслужбе не была до конца определена даже в обвинительном заключении. Может быть, эфэсбэшники не решились бы возбудить уголовное дело, если бы сам Алексей не рассказал им после задержания о своем знакомстве с иностранцами. Мне и до сих пор трудно поверить, что Летучий был столь наивным, что, будучи доставлен в Р-кое УФСБ, три дня просто так беседовал с чекистами. «Просто так», то есть без предъявления обвинения, без адвоката. В эти три дня он не считался ни свидетелем, ни подозреваемым, ни обвиняемым. Как можно было остаться таким простодушным, прожив в этой стране почти сорок лет? Как можно было спокойно отвечать на вопросы чекистов, не ожидая подвоха?

Сегодня, через четыре года после ареста Летучего, ста-

ло очевидно, что после того, как он рассказал ФСБ о своих вполне «вегетарианских» контактах с иностранцами, его выбрали жертвой для показательного судебного процесса.

Я раньше никогда ничего не слышала о нем и вообще не была знакома с учеными. Мои родители, у которых было много приятелей в научном мире, часто рассказывали, какими чудаками и простаками в обычной жизни бывают доктора наук, профессора и академики.

И еще: я на собственном опыте знала, что такое КГБ. У нас дома дважды проходили обыски, маму и папу арестовали с разницей в два года, и они получили сроки за диссидентскую деятельность. Я хорошо помню ощущение нутряного страха и холода, который возникал чуть повыше живота, когда я вспоминала о следователе, вызывавшей меня на допрос – поговорить о моем отце. Ее звали Ольга Петровна, милостивая женщина в коричневом свитере под горло. Помню, что она носила большие мужские часы на кожаном ремешке, который был надет поверх свитера. Она не улыбалась, и от всего ее облика веяло каким-то могильным холодом. Помню рассказы папы о его встречах с неким Борисом Ивановичем в его кабинете на Лубянке, где он убеждал папу уговорить маму признать вину в антисоветской деятельности. Когда мама освободилась из тюрьмы и мы встретились с ней на Горном Алтае в бараке для ссыльных, где ей выделили две комнаты с печкой, она рассказала мне, как на допросах в СИЗО «Лефортово» следователь с говорящей фа-

милией Губинский пугал ее, что, если она не признается в своих связях с заграничными антисоветскими фондами, ее детей и мужа посадят. Поэтому аббревиатуры КГБ, ФСБ и люди, работавшие там, с юности не были для меня мифическими фигурами. Мне казалось, что я понимаю их сущность, и уж, во всяком случае, я бы никогда не стала с ними беседовать три дня запросто, без протокола и без адвоката, как делал это Алексей Летучий. Но, видимо, у Алексея за плечами был совершенно другой жизненный опыт. Наверное, он читал какие-то книги, что-то слышал о диссидентах и КГБ, но воспринимал это как «жизнь других» и не думал, что с ним самим может произойти нечто похожее. На дворе стоял 1999 год. Алексей работал в Институте США и Канады. Его работу курировали из ФСБ. И, вероятно, по той самой научной наивности ему и в голову не приходило, что его кураторы могли его подставить.

Глава вторая. Обыск

Они пришли рано утром. То было обычное осеннее утро. Алексей и Марина допивали кофе. Нюта спала – родители разрешили ей в этот день не ходить в школу. Длинный нервный звонок в дверь. По вторникам Алексей обычно ездил в Москву в институт. Но в этот вторник он должен был улетать в Лондон на международную конференцию.

Марина посмотрела в глазок. Перед дверью стояли двое прилично одетых мужчин: один конопатый, а другой с большими черными усами. Как у кота. Марина открыла.

– Квартира Летучего Алексея Валентиновича?

– Да.

– В соответствии с постановлением Р-ской прокуратуры мы обязаны провести у вас в квартире обыск. Вот санкция, – конопатый протянул обалдевшей Марине какую-то бумагу.

– У вас есть вещи, запрещенные к хранению: оружие, наркотики?

Маленькая двухкомнатная квартира моментально наполнилась чужими людьми. Их было человек восемь.

– Мама, что они делают в нашей квартире? Зачем роются в папином столе? Я хочу в туалет. Почему они меня не пускают? – спрашивала Марину десятилетняя Нюта, которая проснулась от шума и незнакомых голосов.

Чернявый, с пушистыми усами, одетый в строгий костюм

и нелепый галстук, представился следователем Р-ского УФ-СБ.

– Пока мы не можем разрешить никому из жителей квартиры пользоваться туалетной комнатой. Идет обыск, – важно сообщил он.

Усы были такими пушистыми и кудрявыми, что казалось, будто по вечерам усатый накручивал их на маленькие бигуди. Марина про себя прозвала этого гэбешника «Котярой».

Алексей молчал. Он не понимал, что происходит. Вернее, не хотел понимать. Он, привыкший оценивать события рационально и мыслить логически, не мог хладнокровно смотреть, как чужие люди роются в его бумагах. Он так же, как и Нюта, не понимал, почему они пришли к нему в дом и нарушили ход его жизни. Незваные гости между тем открывали и закрывали ящики стола, шарили в компьютере.

Марина услышала, как один из них сказал другому:

– Смотри, сколько газетных вырезок. Это то, что нам надо?

«Котяра» заговорщически улыбнулся:

– Бери не глядя.

Марина сидела на диване, обняв плачущую Нюту. Краем глаза она следила за двумя понятыми, скучающими в коридоре. Они о чем-то шептались. Марина вспомнила, как кто-то из друзей рассказывал, что понятые на обыске – самые опасные люди. Они могут подбросить наркотики или оружие. А потом подпишут протокол о том, что наркотики были

обнаружены в твоей квартире.

Усевшись за стол Алексея, усатый записывал в протокол названия печатных изданий и заголовки статей. А конопатый доставал из больших зеленых папок газетные вырезки и передавал ему.

Заголовки были длинными и замысловатыми: «Состав космического эшелона предупреждения о ракетном нападении», «Состав и дислокация соединений постоянной готовности».

Довольно быстро усатому надоело писать. Газетных вырезок было слишком много: остальные эфэсбэшники, как муравьи, сновали по квартире и подносили ему все новые и новые блокноты, исписанные мелким обстоятельным почерком Летучего.

– Хватит, – наконец буквально зарычал «Котяра». И, обращаясь к Алексею, буркнул: – Обыск будет продолжаться, а вы, Алексей Валентинович, поедemте с нами, поговорим.

Марина сжалась, как от удара. На мгновенье ей показалось, что мужа она больше никогда не увидит и что весь этот кошмар, начавшийся осенним утром, никогда не кончится. Нюта схватила Алексея за свитер. Он же, пытаясь улыбаться, успокаивал жену и дочь:

– Не волнуйтесь! Мы сейчас немного поболтаем, а потом я вернусь. И все будет, как прежде. – И почему-то добавил: – В Лондон, я, наверное, сегодня уже не успею.

– Алексей Валентинович, возьмите паспорт. А вы продол-

жайте обыск, – обратился усатый к своим подчиненным. –
Осталось совсем чуть-чуть. Не забудьте компьютер и диске-
ты.

Алексей обнял Марину, поцеловал Нюту и вышел из квар-
тиры в сопровождении двух эфэсбэшников.

Поехали в областное УФСБ.

Глава третья. Разговор в курительной

– Знаешь, когда я увидела его в первый раз в тюрьме, подумала – «ботаник». Настоящий ученый. Кроме науки, его ничего не интересует. Он изо всех сил старался меня убедить в том, что – не шпион. А я в этом и не сомневалась. На первом нашем свидании конвойный пристегнул Алексея наручниками к стулу и оставил нас наедине. Это было ужасно. Я не знаю, чего они боялись? Что он убежит? Или что нападет на меня?

– А вообще-то – как к тебе это дело попало? Почему ты согласилась его вести?

Я решила, что пришло время расспросить Аню поподробнее о деле Летучего. До сих пор я знала о нем лишь поверхностно. Понимая, что придется заняться этим всерьез, я хотела знать о нем как можно больше.

Мы сидели в модном московском клубе в так называемой «курительной комнате» за большим столом. Владельцы клуба были Аниными старинными друзьями и привыкли к тому, что она часто проводит переговоры со своими клиентами или журналистами в «курительной». Адвокат Сваровская несколько раз помогла им в решении щекотливых юридических вопросов и чувствовала себя в клубе как дома.

И на этот раз Аня объяснила, что у нее срочное дело и ей позарез нужна «курительная». Ненадолго. Всего на час.

Сваровская рассказывала мне историю Алексея Летучего, что называется, «от печки», с самого начала. Она хотела понять сама и добивалась от меня, где она совершила ошибку.

– У Алексея потрясающий аналитический ум. С ним ужасно интересно говорить. Но, как часто бывает с учеными, он в простых житейских вопросах ведет себя как ребенок. Представь, когда его привезли в местное УФСБ и продержали там два дня без адвоката, объяснив, что хотят с ним по-дружески поговорить, он рассказал им о себе столько, сколько они о нем никогда бы не узнали. Он рассказал, что в Англии встречался с двумя иностранцами, для которых составлял аналитические справки по материалам российской печати. Ему и в голову не пришло, что это может стать главным доказательством его вины в шпионаже. Наверное, дело в том, что Алексей в хорошем смысле этого слова патриот. И он просто никогда не думал, что его общение с иностранцами и обсуждение с ними широко известной информации может быть кем-то воспринято как «измена Родине».

– А о чем он им рассказывал и зачем?

– Он занимался проблемой стратегических вооружений. Читал все статьи в этой области. И не просто читал, а делал выводы, выписки, анализировал.

– Я все-таки не понимаю, за что его арестовали и так долго держат в тюрьме? – настаивала я. – Ты говоришь, что он не шпионил. Неужели они этого не понимают? А деньги он у этих иностранцев брал? Ведь при обыске нашли какие-то

деньги?

– Правда, нашли несколько тысяч долларов. Но, я думаю, люди, которые ведут это дело, прекрасно понимают, что он не шпионил против России. Его просто выбрали как жертву.

– Для чего? – все не унималась я.

– За ним следили. Алексей участвовал в написании книги о стратегических ядерных вооружениях. Издавалась она на американские деньги. Как только книга вышла, за всеми авторами началась слежка. Их телефоны прослушивали. В книге не было ничего секретного. До публикации ее несколько раз вычитывали кураторы из ФСБ. И все же решили Алексея пощупать. Был у них в институте один эфэсбэшник. Он однажды взял Летучего «на слабо»: «Можешь ли ты написать такую статью, в которой, пользуясь исключительно открытыми источниками, раскроешь гостайну?» Летучий попробовал, написал. Дал почитать куратору. А тот возьми да и скажи ему: «Смотри, старик, будь поосторожней. Твоя беда в том, что ты – шибко умный и иногда можешь додуматься до того, что даже и не написано в статье. Знаешь, как в “Голом короле” у Шварца: “Принцесса, вы так наивны, что иногда можете сказать совершенно страшные вещи!”» Этот разговор состоялся за полгода до ареста Алексея.

Глава четвертая. Империя судьи Филипповой

Председатель горсуда Елена Алексеевна Филиппова ждала гостей в своем недавно отремонтированном кабинете. Она волновалась, а когда волновалась, не могла просто так усидеть на месте. Вот и ходила туда-сюда по красно-зеленому ковру, который час назад привезли из химчистки. Иногда заглядывала в платяной шкаф, где висела ее очередная шуба из белой норки. Елена Алексеевна имела одну слабость: шубы из натурального меха. Роста она была небольшого, телосложения крепкого, волосы в последнее время красила в ярко-рыжий цвет. Меха, как говорил ее муж, большой знаток женской красоты и генерал ФСБ в отставке, Елену Алексеевну «украшали и облагораживали». Дома у нее была настоящая коллекция: за последние годы удалось купить несколько шуб из разного меха. Но последняя «Белоснежка», как любовно называла ее Филиппова, была чудо что за шуба. Глядя на нее и поглаживая искрящийся мех, судья успокаивалась. В последнее время, и правда, нервы были ни к черту.

– Что я им скажу? – спрашивала она сама себя. – Сказать правду – обидятся. Соврать – заподозрят неладное. И, чего доброго, обвинят в нелояльности или в непрофессионализме. И так плохо, и эдак нехорошо. Но не могу же я им сказать, что обвинение трещит по швам? Что в деле концы с

концами не сходятся? Что на таких материалах присяжные запросто признают этого ученого невиновным?

Елена Алексеевна устала ходить и опустилась в большое кожаное кресло, которое заботливая уборщица поставила ровно под портретом Владимира Путина. Других портретов в кабинете не было. Хозяйка кабинета еще не решила, какие повесить. Стены были выкрашены в светло-зеленый цвет: Елене Алексеевне кто-то объяснил, что этот цвет успокаивает. Спокойствие и умиротворенность – это как раз то, чего так не хватало судье Филипповой. По местному телефону, который судьи окрестили «вертушкой», позвонили. Елена Алексеевна сняла трубку. «К вам пришли», – сообщила секретарша с придыханием.

Председатель горсуда вышла из-за стола, внутренне готовая к любому исходу событий.

Секретарша открыла дверь, и на пороге появились двое: Виктор Викторович из администрации президента и незнакомый мужчина представительного вида. Виктор Викторович галантно поцеловал даме ручку и представил своего спутника:

– Николай Васильевич Ведрашку, наш новый социальный психолог.

Елена Алексеевна жестом пригласила мужчин садиться.

Сама опустилась в кресло, успев заметить про себя, что Виктор Викторович в хорошем настроении. «Еще не все потеряно», – решила она.

– Елена Алексеевна, дорогая, мы очень огорчены, что вам пришлось распустить присяжных, – начал В. В. – Ваши действия уже вызвали нарекания и шум в прессе. Я понимаю, что у вас не было другого выхода. Я видел распечатки разговоров в совещательной комнате. Но вы должны нас понять. Мы никак не можем допустить второй внештатной ситуации. Надо будет как следует поработать с людьми. А Николай Васильевич поможет вам с отбором.

Елене Алексеевне такой поворот разговора очень понравился. Перспектива понижения в должности или увольнения, неизбежность разборки в президентской администрации, от которой ее трясло последние два дня, после роспуска коллегии присяжных по делу Летучего, – все это оказалось напрасными страхами. Похоже, неудачу с присяжными ей простили. И теперь предстояло в очередной раз доказывать свою нужность. К этому Елене Алексеевне было не привыкать. За последние пять лет на посту председателя городского суда бывшая районная служительница Фемиды сумела отстроить свою империю в соответствии с собственными представлениями о том, каким должен быть суд как инструмент исполнительной власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.